

Политизация российского общества в начале XX века (по свидетельствам очевидцев «от власти»)

Аннотация: процесс вовлечения населения России в выборный процесс в начале XX в. являлся важной составной частью политической истории страны. Политизация российского общества представляла собой необходимое условие и одно из проявлений зарождавшейся демократической культуры, формирования политической самоидентификации граждан, их политического самосознания. Автор рассматривает политизацию в контексте взаимоотношений власти и общества, что связывается с возможностями вовлечения простых граждан в сферу политической жизни. Анализируются свидетельства современников и участников событий, в частности письма губернаторов в МВД. Изучение такого рода документов требует особого внимания к раскрытию их исторического контекста (помещения их в круг иных по происхождению, но близких по содержанию исторических источников). Свидетельства очевидцев «от власти» не являются точным и полным отражением реалий общественно-политической жизни России начала XX в., но они не могут не быть любопытными и полезными для историка, стремящегося понять и объяснить мотивацию российского избирателя на стартовой точке процесса демократизации нашей страны.

Ключевые слова: история, Государственная дума, политическая история, политические партии, демократическая культура, политизация, парламентаризм, выборы, революция 1905–1907 гг., избирательный закон.

В своем дневнике 8 сентября 1906 г. известный русский историк В. О. Ключевский писал: «Перестраиваются не политические понятия и общественные интересы, а политические чувства и социальные отношения; думают не о том, что делать и как устроиться, а о том, что можно сделать и захватить и чего нельзя, кто враг и кого потому надо побить и кого опасно бить. Политическая революция разделяется в социальную усобицу, и само правительство превращается в одну из социальных партий, только маскируясь в личину государственного органа»¹. Именно эта «перестройка политических чувств» в контексте взаимоотношений власти и общества в драматические периоды русской истории весьма любопытна для историка. Для понимания этого сложного процесса интересны могут быть наблюдения современников и участников событий, в том числе очевидцев «от власти». Прочтение такого рода свидетельств требует особого внимания к раскрытию их исторического контекста (помещения их в круг иных по происхождению, но близких по содержанию исторических источников).

Вовлечение населения России в выборный процесс в начале XX в. являлось важной составной частью политической истории страны. Политизация российского общества в то время представляла собой необходимое условие и одно из проявлений зарождающейся демократической культуры, формирования политической самоидентификации граждан, их политического самосознания. Демократическая культура означает позитивное отношение к демократии, однако понятие «демократическая культура» имеет более широкое историческое содержание².

Процесс демократизации общества проявляется в масштабах развития избирательного права и в формировании институтов представительной власти, т. е. в участии различных слоев и групп населения через «представительство» в решении жизненно важных вопросов, а также в складывании многопартийной системы, в усилении роли политических партий. Демократическая культура предполагает информирование общества о наличии и деятельности партий, различных объединений и ассоциаций (по профессиональным,

¹ Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 387.

² Подробнее см.: Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры в России: Россия в начале XX века. М., 2005.

экономическим интересам), общественных и религиозных организаций (в том числе в ходе таких масштабных акций, как выборы). Особое значение имеет развитие политического, в том числе гражданского самосознания, которое мотивируется в обществе желанием равного участия в решении социальных проблем. Таким образом, демократическая культура, прежде всего, определяется возможностями вовлечения простых граждан в сферу политической жизни, степенью их реальной вовлеченности в эту сферу.

Для успешного функционирования демократии необходимо как формальное законодательство, так и известные предпосылки, называемые демократической культурой. Вот почему особого внимания заслуживает анализ выборного законодательства в плане предоставления им условий и возможностей для демократизации российского общества и его влияния на уровень политизации граждан и социальных групп (прежде всего крестьянства). Кроме того, изучение процесса политизации российского общества требует ответа на вопросы: как происходил «выбор» политических предпочтений избирателей, какие факторы его определяли. Особую значимость приобретают изменения, происходившие в российском обществе в 1905–1907 гг., когда прежняя административная и политическая культура получила серьезный вызов со стороны демократической культуры.

Процесс образования большинства политических партий в России пришелся на 1905–1907 гг., когда правительство впервые вынуждено было взять курс на провозглашение политических свобод. В 1905 г. объявили о своем существовании и организовали свои съезды кадетская партия, октябристы, мусульманская партия, торгово-промышленная партия, партия правового порядка, Совет объединенного дворянства и другие организации. Как отмечается в историографии, «в противовес западной модели партийного строительства политические партии в Российской империи начали свое формирование не в центре, а по окраинам, прежде всего западным — Польше, Финляндии, Прибалтике, позднее — в Закавказье, а также в губерниях с чертой еврейской оседлости. Для Сибири, Дальнего Востока, а также таких национальных окраин, как Средняя Азия и Северный Кавказ, напротив, был характерен замедленный темп образования политических партий»³. Особенности «пространственного контекста» формирования политических партий в России включают и спец-

ифику оформления российского политического пространства. Оно начало формироваться, в отличие от Запада, не «справа-налево», т. е. не с создания «структур консервативного и либерального толка». «Россия ступила на стезю партийности с левого, радикально-социалистического фланга»⁴. Именно это обстоятельство определяло, по мнению исследователей, и характер формирования национальных партий регионального масштаба, число которых превысило 220 (некоторые из них успешно интегрировались в общероссийские); число общероссийских политических партий на протяжении всего дореволюционного периода была настолько значительно, что превышало даже теоретически возможные альтернативы, которые они могли представлять.

Касаясь вопроса о том, насколько процесс формирования политических партий в центре и на местах регламентировался представителями правительственной администрации, обратим внимание на некоторые аспекты. Манифест 17 Октября 1905 г. возвестил в числе прочих демократических свобод и о свободе союзов и собраний, что повлекло за собой стремительный процесс объединения либеральной и консервативно настроенной общественности в многочисленные политические партии. С их образованием перед правительством остро встал вопрос о необходимости разработки законодательных основ существования и деятельности общественных организаций. В результате тщательной работы нескольких министерств и ведомств 4 марта 1906 г. правительство издало Указ «О временных правилах об обществах и союзах». Указ законодательно регулировал деятельность широкого круга общественных организаций, имевших цели различного характера, в том числе культурно-просветительские, хозяйственно-экономические и общественно-политические. Следует отметить настоятельное употребление в Указе, как и в других законодательных документах того периода, понятия «общество», а не «партия», по отношению к общественно-политическим организациям. Для царского правительства политических партий в западном понимании в России не существовало. Под «обществом» понималось соединение лиц с определенной целью, под союзом — соединение нескольких обществ.

Высшей инстанцией в процессе признания законом допустимости существования и деятельности общественных объединений (их регистрации, учета, легализации) выступало Министерство внутренних дел (МВД). Чтобы иметь возможность свободно (насколько это было возможно в услови-

³ Журавлев В. В. Программные установки политических партий России по вопросам собственности на землю в конце XIX — начале XX вв. // Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. С. 197–199.

⁴ Там же.

ях России того времени) функционировать, организации должны были пройти следующие процедуры. Прежде всего необходимо было подать заявление о регистрации губернатору (с приложением устава), а затем — в Присутствие по особым делам об обществах, учрежденное на основании упомянутого Указа. Далее эти документы поступали в МВД, где и осуществлялась регистрация обществ (после представления их устава соответствующему министру в зависимости от характера и направления деятельности общества). Регистрация не всегда заканчивалась легализацией общества. Этот процесс мог затянуться на длительное время. Так, только в феврале 1908 г. после долгих тяжб Сенат окончательно отказал в легализации главной партии либеральной оппозиции — кадетам. В соответствии с Указом МВД предоставлялось право закрывать общества, если их деятельность представлялась ему угрожающей спокойствию и безопасности.

На местах общества мог закрывать губернатор, который осуществлял административные функции и власть которого в начале XX в. была значительной: в случае, если общество носило явно антиобщественный характер. Это решение санкционировалось Присутствием по особым делам об обществах, обычно одобрявшим решения губернатора. I Департамент Сената был окончательной инстанцией в такого рода спорах. Поэтому многие партии как в центре, так и на местах, испытывали давление и притеснения со стороны административно-контролирующих органов, полицейской администрации. Примером тому, в частности, являются многочисленные телеграммы, посланные в Думу в разгар предвыборной кампании (март-апрель 1906 г.) нижегородским комитетом партии кадетов, где говорилось о губернаторских притеснениях, запрещении партийных собраний по причине отсутствия легализации партии, хотя заявление было сделано Министерству внутренних дел⁵. Так, 6 апреля 1906 г. телеграммой сообщалось о том, что «в Нижнем вновь не разрешено партийное собрание, между тем разрешаются собрания Белого Знамени»⁶.

Заметим, что периферийные организации лево- и праволиберальных партий формировались как их отделения и руководствовались в своей организации и деятельности уставами этих партий, выработанными и утвержденными в центре. Но в условиях административно-полицейских запретов и взысканий в связи с затянувшейся легализацией местные отделения кадетской партии вынуждены были искать различные пути их преодоления,

дабы продолжать деятельность партии в нормальном режиме. Так, нижегородские кадеты телеграфировали в Московский отдел конституционно-демократической партии, интересуясь ситуацией в вопросе о легализации партии и возможностью легализации отдельных местных групп⁷.

В значительно более благоприятных условиях находились право-монархические организации. Большинство правых организаций в «центре» и «на местах» в 1905–1907 гг. формировались независимо друг от друга и имели каждая свой устав. Например, Нижегородская монархическая организация Союз «Белое Знамя» образовалась в 1905 г. Устав ее был представлен 10 января 1906 г. нижегородским губернатором в МВД, а утвержден уже 18 января 1906 г. И «Белое Знамя» не испытывало никаких сложностей по причине легализации своей деятельности.

Многие местные праворадикальные организации вступали впоследствии в общероссийские партии, пользуясь преимуществами, но не теряя при этом автономии. Так, тот же Нижегородский Союз «Белое знамя», войдя в состав «Союза русского народа» и став его губернским филиалом, пользовался прежними уставными и программными документами вплоть до 1911 г.

Бесспорно, что при изучении степени влияния политических партий на ход выборов на местах особое внимание уделяется партии кадетов. Кадеты имели самый широкий электорат, завоевывая его с необыкновенным искусством ориентирования и приспособления к местному, порой весьма разнообразному, политическому ландшафту, использования доминирующих партийных пристрастий, особенностей менталитета различных слоев местного электората. Они не ограничивались близостью социально-классовой идентичности при завоевании сочувствующих, привлекая электоральные группы различной социальной и этно-культурной принадлежности.

Таким образом, в период выборов в Думу параллельно шли процессы конституирования партий, образования более или менее определенного контингента их сторонников и «сочувствующих», хотя четкого разделения на сторонников «правых» и «левых» еще не было. Появились альтернативы для выбора политических предпочтений и у избирателей. С появлением первого, пусть и несовершенного, механизма выборов в стране появились первые признаки политической борьбы: популистская тактика, политическая мимикрия, попытки фальсифицировать выборы (в ограниченных раз-

⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 290. Л. 34, 35, 47.

⁶ Там же.

⁷ Селезнев Ф. А. Выборы и выбор в провинции. Партия кадетов в Нижегородском крае 1905–1917 гг. Н-Новгород, 2001. С. 47.

мерах). Широкому распространению этих тенденций объективно мог препятствовать Высочайший Указ 8 марта 1906 г., направленный против злоупотреблений на выборах.

Первые выборы в Думу, буквально всколыхнувшие общественную жизнь России, обнажили представления и настроения различных слоев общественности, людей разной сословной принадлежности. Они же показали растерянность бюрократии, допустившей впервые в истории России почти полную свободу агитации во многих губерниях.

Рассыпанные в описаниях очевидцев и участников событий, распоряжениях и докладах администрации, в цифрах и непосредственных репортажах с мест многочисленные свидетельства о выборах дают интересный материал об общественных настроениях. Среди материалов, имеющих в Российском Государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, в фонде «Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу» обращает на себя внимание одно из дел — «О причинах успеха на выборах в Государственную Думу крайних партий»⁸. В нем собраны подробные ответы губернаторов на шифрованную телеграмму министра внутренних дел П. А. Дурново от 29 марта 1906 г., в которой он просил изложить их собственное мнение на причины значительного успеха кадетов на первых выборах в Думу. В телеграммах, разосланных по 25 губерниям, содержалось следующее обращение: «Благоволите сообщить со всею подробностью мнение Ваше о причинах успеха на выборах крайних партий. Лежат ли эти причины в условиях самой системы выборов, и каких именно, или в равнодушии умеренных классов общества и энергической пропаганде крайних партий или иных обстоятельствах. Сообщите также Ваше заключение о степени добросовестности приемов политической предвыборной агитации и равно сведения о наблюдавшихся при выборах случаях злоупотреблений, подкупа и угроз и степени влияния этих обстоятельств на исход выборов»⁹. Ответы губернаторов могут расцениваться как достаточно объективные, так как писали они о выборной кампании почти сразу же по завершении выборов в губерниях.

⁸ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40.

⁹ Телеграммы министра были разосланы, как указано в канцелярской справке, в губернаторства Бессарабской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Гродненской, Калужской, Ковенской, Костромской, Курской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Подольской, Псковской, Самарской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Ярославской губерний, а также в Ставрополь и в ведомство московского градоначальника.

В это время итоги избирательной кампании уже были известны для европейской части России, и руководители правительственной администрации на местах уже не были заинтересованы в «лакировке» событий. Скорее наоборот, им было важно предоставить в министерство наиболее объективную информацию, чтобы создать солидную базу для выработки правительственного курса в отношении новых выборов в следующую Думу, обеспечив таким путем себе твердую почву для борьбы с местными представителями оппозиции. В ответных письмах из 24 губерний европейской России губернаторы приводили различные соображения на запрос министра, включая огромные финансовые средства, потраченные кадетами на проведение выборов. Так, по сообщению московского градоначальника, в Москве монархисты истратили на выборы 1065 рублей, умеренные — до 335 тыс., а кадеты — больше 700 тыс. рублей¹⁰.

Среди ответов были и такие, в которых указывалось на общее недовольство населения своим «экономическим положением» и унижительным для России исходом русско-японской войны. Однако всеобщее недовольство и раздражение населения констатировали только два губернатора — петербургский и московский. По сведениям симбирского губернатора, «анархия в крестьянстве и мещанстве увеличивается возвращающимися с войны солдатами». Пагубное влияние этого факта проявилось в том, что «крестьяне отказываются составлять раскладки податей и всякое взывание сборов, даже на мирские и волостные расходы, является неисполнимым», «требуют от своих однообщественников не поступать на правительственную службу», поэтому происходит массовое оставление своих постов полицейскими стражниками и надзирателями. Духовенство «вполне разделяло либеральные идеи», а «Временные правила» правительства «дают повод думать, что оно не сдерживает обещаний Манифеста 17 Октября». Наконец, «слухи о том, что принимаются все меры, чтобы распустить Думу», заставили примкнуть к кадетам даже консервативные элементы губернии¹¹.

Таким образом, власть видела и стремилась оценить «два мощных рычага» воздействия на политическое поведение электората на выборах в Государственную думу: выборное законодательство и политическую агитацию и пропаганду.

Российское выборное законодательство было мощным институтом. Оно воздействовало на вовлечение российского общества в выборный процесс, который может рассматриваться как шаг на

¹⁰ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 37.

¹¹ Там же.

пути к демократизации. Забастовки, волнения, политические митинги оказывали давление на правительство в части осознания им необходимости предпринять действия по демократизации. Закон о выборах от 6 августа 1905 г. был задуман и принят как попытка российской верховной власти следовать в своем политическом курсе европейской модели демократизации. Манифест 17 Октября и Высочайший Указ о выборах 11 Декабря 1905 г. были дальнейшими шагами на пути модификации этого курса.

Основная идея модели выборов определялась представлениями о России как аграрном, по сути дела даже крестьянском, обществе и состояла в признании крестьянства как основы обеспечения «лояльности власти». В соответствии с этой идеей выборное законодательство давало ему значительное представительство как в составе самой Думы, так и в составе выборщиков избирательных собраний депутатов в Думу. Преобладание крестьянского представительства в Думе, которую они сами часто называли «крестьянской Думой», было результатом того, что (по крайней мере, в начальных вариантах выборного законодательства) для этой курии не предусматривались цензовые ограничения, связанные с обладанием собственностью. Достаточным условием была принадлежность к сельскому обществу или волости. Более того: чтобы числиться выборщиком от крестьянской курии, было достаточно быть членом общины, даже если его деятельность не связана с занятием сельским хозяйством. В различных источниках имеются сведения о том, как проходили избирательные собрания, в ходе которых крестьяне получали еще дополнительные преимущества. Процедура проведения подобных собраний предусматривала, что они должны были начинаться с выборов депутатов от крестьян. Кроме того, известна практика «двойного голоса» для крестьян, владевших купчей землей, так как они считались одновременно и крестьянами, и землевладельцами (следовательно, обладали правом голоса от обеих курий).

Говоря о «городском обществе» и возможностях его участия в выборах, нужно иметь в виду, что речь идет о различных категориях городских жителей. Вот почему важно рассмотреть, в каких условиях в соответствии с выборным законодательством оказались различные категории городского населения как часть электората на начальных стадиях выборного процесса.

Городская курия обеспечивала шансы на участие в выборах для представителей различных социальных слоев, поскольку предоставляла некоторое множество вариантов цензовых условий и в этом смысле расширяла возможности преодоле-

ния цензов и получения права голоса по этой курии. Основаниями для цензов были условия, близкие к социально-классовым (например, в случае с «имущественным» цензом), связанные с характером деятельности («промышленный», «служебный») или просто с кредитоспособностью претендента («квартирный»). Такого рода цензовые условия (и в особенности «служебный» ценз) можно рассматривать как проявление «демократической» тенденции в российском выборном законодательстве. Они расширяли возможности участия в выборах для населения и являлись альтернативой цензовым условиям, определявшимися исключительно размерами собственности (владение землей, недвижимостью) или определенным уровнем доходов, — условиям, которые в начале XX в. были распространены в большинстве стран Европы.

«Служебный ценз» играл особенно важную роль для избирателей по городской курии. Он открывал возможность участия в выборах для государственных и негосударственных служащих, для всех, кто находился на жаловании или на пенсионном обеспечении, включая представителей земской или городской администрации, железнодорожных служащих, сотрудников сословных учреждений и др. Низший слой «белых воротничков», мало обеспеченные слои интеллигенции, могли проходить по городской курии, используя условия этого ценза. «Квартирный ценз» также был полезным в плане облегчения доступа в городскую курию. Очевидна тенденция снизить «планку» по этому цензу до размеров годовой квартирной арендной платы. Ценз открывал «городскую курию» для людей так называемых «свободных профессий», в том числе интеллигенции. В целом же введение этих цензов объективно увеличивало возможности участия населения в выборном процессе.

Множественность цензовых условий приводила к тому, что в одной курии были объединены люди различного социального положения. В этом смысле показателен «промышленный ценз», по условиям которого открывались возможности как для владельца промышленного предприятия, так и для наемного работника, получающего плату за работу.

В докладах губернаторов прямые указания на «несовершенство самого избирательного закона» встречаются редко; исключение — замечание московского градоначальника о том, что закон не обеспечивает достойного представительства «меньшинства» в Думе. Но в их письмах есть фактически все предпосылки для изменений, внесенных в систему выборов «разъяснениями Правительствующего Сената» во время выборов во 2-ю Думу.

Тема обусловленного законодательством представительства различных социальных групп в

выборном процессе и его влияние на ход и результаты первой избирательной кампании отражены в ответных письмах губернаторов и привлекают внимание при их прочтении. Некоторые губернаторы непосредственно отметили в качестве одной из основных причин успеха левых влияние представителей мелкого землевладения на съездах землевладельцев или вовлечение в выборы огромного пласта избирателей, состоящего не только из владельцев минимального имущественного ценза в городах и сельской местности, но и избирателей по жалованию или пенсии по государственной службе.

В отношении поставленного министром внутренних дел вопроса о том, почему не сработал механизм выборов, рассчитанный на конкретные цели, интересным представляется рассуждение курского губернатора. Он, в частности, заметил, что «система выборов, по-видимому, рассчитана на консервативные традиции крестьянства»¹², но в действительности перспектива наделения земель и улучшения материального положения отодвинула эти традиции на задний план, и в Государственной Думе крестьяне видели только учреждение, способное разрешить самый острый для них вопрос о земле. Знакомство со всем комплексом писем губернаторов убеждает в том, что было бы неверным сводить объяснение притязаний крестьян Курской губернии на землю и их «измену» консервативным традициям лишь к особому земельному дефициту в этой черноземной губернии. Так, в Новгородской губернии, где имелся избыток пахотной земли, крестьяне, по свидетельству новгородского губернатора, «еще больше, чем низшие классы городов», смотрели на Думу как «на учреждение, исключительно призванное удовлетворить их материальные (земельные) нужды» и стремились не допустить в Думу ценовых землевладельцев¹³.

Особый интерес для анализа выборной системы и выборного законодательства как рычага воздействия на социально-политические изменения в российском обществе, его политизации, представляет тот факт, что в той же Новгородской губернии съезды землевладельцев в некоторых уездах «сплошь состояли из крестьян». По мнению губернатора, крупные землевладельцы прошли только благодаря тому, что на предварительные съезды явилось ничтожное количество крестьян — мелких землевладельцев; в противном случае (если бы их пришло больше) крупное землевладение не получило бы никакого представительства, ни одного места. Население Новгородской губернии

(«мещане и все крестьянство») спокойно и даже сочувственно относилось к мероприятиям правительства по наведению порядка на выборах. Такое поведение на выборах крестьян — мелких землевладельцев, их отношение к помещикам и духовенству как к конкурентам не было каким-то особым случаем.

В письмах губернаторов содержится информация о различиях в поведении на выборах не только отдельных социальных групп (курий), но и этнокультурных групп электората. Так, в Таврической губернии, согласно мнению губернатора, русские крестьяне — мелкие землевладельцы, в отличие от татарских, вели себя пассивно. На съездах мелких землевладельцев в губернии присутствовало только 1–2 % от положенного количества. Лишь в Симферопольском уезде участвовало значительно больше таких избирателей — за счет татар, неукоснительно исполнявших постановление мусульманских съездов 1905–1906 гг. «принять участие в выборах в Думу».

Наиболее значимой тенденцией было проявление особого интереса к Думе и выборам той части крестьян, которая была представлена мелкими землевладельцами. В этом плане ярко описал выборы в Смоленской губернии известный публицист, землевладелец этого уезда, журналист из умеренного лагеря С. Шарапов сразу после выборов¹⁴. На уездном съезде уполномоченных от волостей, который он посетил из любознательности, преобладали «средние», «сермяжные» крестьяне; «зажиточных» среди них почти не было, они не проявили никакого «определенного отношения» ни к Думе, ни к выборам. Но на уездном съезде землевладельцев, в котором приняли участие 23 крестьянина, избранных на предварительном съезде мелких землевладельцев, крестьяне вели себя очень энергично. По выражению автора, они «со злыми глазами» ставили требование о земле, поддерживая кадетов. Автор с возмущением пишет, что они отнюдь не были безземельными, а являлись «собственниками купчей земли, приобретенной через Крестьянский банк».

Часто встречается в ответных письмах губернаторов указание на блок крестьян и кадетов и на поражение на губернских собраниях представителей «правых» в силу позиции крестьянского большинства. По воспоминаниям депутата 1-й Государственной думы Д. Д. Протопопова о выборах в Самарской губернии, большинство крестьян рассуждало о кадетях так: «эти, мол, что-нибудь для мужика может быть и сделают, а от наших господ

¹² РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 37.

¹³ Там же.

¹⁴ Шарапов С. На парламентских выборах. Несколько моментальных снимков. Смоленск, 1906.

да купцов чего ждать»¹⁵. «Обязательным крестьянином» от губернии в Думу был избран И. И. Пустовойтов, находившийся под наблюдением полиции за агитацию среди крестьян. Он, по словам Протопопова, даже устраивал банкеты крестьянам в своем доме зимой 1905 г. Результатами голосования 94 крестьян по его кандидатуре были 86 избирательных и 8 неизбирательных голосов¹⁶.

Что касается поведения городского электората, то количественные пропорции представительства выборщиков по отношению к общей численности населения городов установить затруднительно. По общим оценкам, «первичный электорат» составлял около 10–15 % от всего населения, однако этот показатель был значительно ниже для крупных городов; в Москве или Петербурге он составлял лишь 3–5 %. Однако эти показатели значительно возрастут, если мы будем считать долю «первичного электората» в соотношении не со всем населением, а той частью, которая законодательно определена как «допущенная» к выборам с учетом поло-возрастных ограничений, т. е. с «потенциальным электоратом» того периода. Так или иначе, ясно, что нет оснований для восторгов по поводу масштабов тех возможностей, которые открывали цензы по городской курии, но нельзя и не замечать эти возможности.

Отметим факт, документально подтвержденный и касающийся различий в политическом радикализме обществственности двух столиц — Москвы и Петербурга. По сообщению московского градоначальника, население Москвы «жаждет порядка», «агитация кадетов совершенно непопулярна в огромной массе населения». Среди выборщиков, делегированных городскими избирателями Московской губернии, был высок процент правых и умеренных выборщиков: 4 октябриста, 24 кандидата торгово-промышленной партии, 2 правых и 21 представитель кадетов, 1 прогрессист и 11 беспартийных выборщиков городской курии. По Петербургской губернии: 13 кадетов, 1 прогрессист, 3 октябриста, 2 правых. Только по Москве во всех трех куриях (городской, землевладельческой и крестьянской) преобладали умеренные и правые. Как следует из статистического отчета Московской городской управы о первых выборах в Думу, примерно треть избирателей Москвы, имевшей в Думе отдельное представительство, отдала голоса за кандидатов умеренного направления. Тем не менее, 64 % проголосовали за кадетских кандидатов в выборщики, в городское избирательное собрание,

30,3 % — за кандидатов Союза 17 Октября, 5,2 % — за монархические партии, 0,5 % — за «прочих» кандидатов.

Отчет содержал приложения в виде таблиц, которые позволяют получить полное представление о социальной структуре и результатах голосования московских избирателей по всем избирательным участкам. По итогам проведенного в отчете анализа «экономического положения избирателей» оказалось, что более 75 % первых московских избирателей обладали «самостоятельным экономическим положением», т. е. являлись плательщиками тех или иных прямых налогов (с недвижимости, личного промыслового занятия, квартирного налога). Сравнение социального статуса избирателей и результатов их голосований по избирательным участкам (имеется в виду, сколько избирателей проголосовали за «партию народной свободы» и сколько за другие партии) показывает, что соотношение было стабильным — 2 : 1 или 3 : 2. Таким образом, говорить о ярко выраженной зависимости между количеством более состоятельных цензовиков на участке и итогами голосования вряд ли возможно. В итоге, хотя треть избирателей Москвы и отдала свои голоса за партии более правого направления, избирательное собрание выборщиков города полностью состояло из кадетских кандидатов.

Согласно отчету управы, на собрание пришел 171 из 178 выборщиков (156 общегородских выборщиков и 15 рабочих города). В качестве кандидатов были предложены только представители кадетской партии: Ф. Ф. Кокошкин (166 записок), С. А. Муромцев (165 записок), М. Я. Герценштейн (145), П. А. Долгоруков (28), Ф. А. Головин (1), В. А. Маклаков (1). Наборщик типографии «Русских ведомостей» И. Савельев, проведенный в Думу кадетской партией и впоследствии примкнувший к социал-демократам, получил 160 записок с его именем в качестве кандидата для баллотировки. Долгоруков, Головин и Маклаков отказались от баллотировки. В итоге от Москвы в Думу прошли профессора-юристы С. А. Муромцев и Ф. Ф. Кокошкин, экономист М. Я. Герценштейн, а также представитель рабочей курии типографский рабочий И. Савельев.

Анализ выборного законодательства дает основания убедиться в том, что высшая государственная власть была настроена оптимистично в отношении своих возможностей получить поддержку широких слоев общества, в том числе с помощью куральной и цензовой системы. Однако в законодательстве содержались угрозы для реализации этих возможностей, в том числе в плане вполне прогнозируемого состава выборщиков по

¹⁵ К десятилетию первой государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916 г. Пг., 1916. С. 9, 11.

¹⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.

основным избирательным куриям как основы их политического поведения. Так, даже условия формирования самой «консервативной» (частновладельческой) курии позволяли не ограничивать ее социальный состав классом-сословием помещиков-дворян, а открывали доступ для других групп землевладельцев, в частности для представителей крестьянского сословия, владевших земельной собственностью определенных размеров (крестьяне с купчей землей). Понятно, что таким образом не мог быть изменен состав курии сколько-нибудь кардинальным образом. Но в данном случае важно обратить внимание на сами принципы формирования куральной системы накануне первой выборной кампании; бесспорно, они способствовали усилению неоднородности состава выборщиков по куриям (в различной степени). Вместе с тем нельзя не заметить своеобразного влияния на их выработку социальных процессов, которые протекали в аграрном российском обществе, переживавшем «ломку» сословно-социальной структуры и формирование «размытых» социальных слоев и групп.

Подтверждением высказанных предположений являются, на наш взгляд, и широта, и неопределенность оснований формирования состава крестьянской курии. Основным требованием была «принадлежность к сельской общине», «аграрному сообществу», а не сельскохозяйственные занятия или характеристики, связанные с землевладением и землепользованием. Сформулированные таким образом условия обеспечили, в частности, возможность для «проникновения» в состав выборщиков по этой курии политически активных людей, в том числе радикально настроенных, не связанных по роду деятельности с сельским хозяйством и имевших лишь формальные связи с российской деревней, основанные на происхождении. Представители различных социальных групп городского населения, если они не принадлежали к «лишенным права голоса», также имели шансы участия в выборах по городской курии.

Выборное законодательство существенно воздействовало на масштабы вовлеченности масс в политический процесс и их представительность. Характер и степень политизации различных групп российского электората в различных регионах России определялись воздействием региональных конкретно-исторических условий, особое место среди которых занимали политические партии, их успешность в ведении агитации и пропаганды во время выборных кампаний «на местах».

Надо сказать, что в сообщениях губернаторов понятие «агитация» приобрело реальное содержание, из абстракции превратившись в хронику реальных событий. Особенно полными были со-

общения губернаторов об агитационной деятельности кадетов; в них отмечалось, что партия вела активную агитацию как среди крестьянства, так и среди городских жителей. «Главным пособником успеху пропаганды» служили органы печати (и столичной, и провинциальной), а в промежутках между предвыборными собраниями устраивались лекции или чтения лиц, приглашенных той же партией. В письме владимирский губернатор счел «необходимым добавить», «что как в предвыборных собраниях, так и на лекциях, при веских возражениях представителей правых партий, конституционал-демократы доказывали, что их программа, в сущности, нисколько не противоречит воззрениям противников, благодаря чему многие из правых партий перешли на их сторону». Гибкость агитации кадетов замечена губернатором и в отношении «завоевания» более широкой социальной аудитории. По его свидетельствам, кадеты, учитывая, что эти собрания посещались «в большинстве своем малоразвитым классом населения и рабочими», настойчиво повторяли заявления, что их партия «сама стоит за Царя, что представители ее в Думе добьются почти дарового раздела земли между крестьянами и восьмичасового рабочего дня». Подчеркивая «проворность кадетов» в рекламировании своих кандидатов в печати и с помощью афиш, с чем «всегда запаздывали более умеренные партии», губернатор отметил, что «случаев подкупа, угроз, злоупотреблений» по вверенной ему губернии не было, однако «в некоторых съездах городских избирателей (Судогородском, Ковровском, Владимирском) обнаружены были со стороны членов кадетской партии попытки уговоров голосовать за намеченных ими кандидатов и предлагались услуги писать вместо избирателя бюллетени...», которые, по его мнению, «имели значение на результаты выборов»¹⁷.

Письма губернаторов в МВД позволяют выявить основные тенденции в общественных настроениях во время первой выборной кампании в Государственную думу. Здесь явно прослеживается «полевение» значительной части умеренных слоев под впечатлением от репрессивных мер правительства. Это особенно подчеркивалось в письмах московского, петербургского и тамбовского губернаторов, в чьих губерниях применялось положение чрезвычайного законодательства. Свидетельства других губернаторов, как и общероссийские итоги избирательной кампании (в частности, биографические данные о перводумцах, подтверждавшие, что многие из них сидели в тюрьме, подвергались аресту во время выборов), показывают,

¹⁷ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 18, 19.

что эта тенденция присутствовала повсеместно. Исключение составляли лишь немногие губернии, откуда в Думу были избраны исключительно правые кандидаты и «благонадежные» крестьяне. Так, московский губернатор писал, что население считает «каждого, подвергнувшегося судебной или административной мере, невинным страдальцем или героем», поэтому мероприятия правительства во время выборов способствовали усилению левого лагеря: избиратели в виде протеста примыкали к партиям, «требующим, между прочим, и политической амнистии». Интересно наблюдение тамбовского губернатора, сообщившего, что равнодушные умеренных классов к выборам не подлежат никакому сомнению, но под влиянием репрессивных мер, сведения личных счетов и превышения чинами своих полномочий «умеренные классы вотировали бессознательно за к-д (конституционалистов-демократов. — Н. С.)»¹⁸.

Переход землевладельцев на сторону кадетов был наиболее проблематичен, так как у этого класса населения было больше всего оснований не принимать кадетскую программу по вопросу о земле. Лишь некоторые из них готовы были допустить ущемление своих интересов и пойти, как говорили выступавшие в дебатах депутаты Думы первого созыва, на самопожертвование, самоуничтожение себя как сословия крупных и средних земельных собственников, отдав часть своей земли крестьянам «по справедливой оценке»¹⁹. Однако среди помещиков-инородцев Западного края, по свидетельствам, в частности, минского губернатора, проявлялось большее сочувствие кадетской партии, так как партия народной свободы выступала за гражданское равноправие национальных меньшинств. Отмечая, что большинство «аграриев» губернии принадлежали к националистам, он упоминает и о том, что некоторые «причисляли себя

к кадетам», «хотя едва ли были многочисленны» и «оставались таковыми, лишь пока дело не касалось вопросов аграрных»²⁰.

Конечно, информацию губернаторов в МВД нельзя механически интерполировать на реалии общественно-политической жизни в России в начале XX в. Но она является отражением этой реальности, увиденной глазами равнодушных очевидцев «от власти». Историк, стремящемуся «разглядеть» и реконструировать процесс «пробуждения» масс, важно понять и объяснить мотивацию поведения российского избирателя на стартовой точке процесса демократизации нашей страны в хаотичности его социальных действий, порой в преобладании в них чисто материальных побуждений, в приспособленчестве к «ветру перемен». Итоговые же выводы губернаторов вполне определены. Они сводятся к признанию, с одной стороны, «несовершенства избирательного закона», «излишней демократичности» Указа 11 декабря 1905 г., допустившего к выборам сравнительно малоимущие слои российского общества, а с другой — «отказа крестьянства от консервативных традиций», на которые был рассчитан закон. Четко сформулировано губернаторами и значение агитации и пропаганды политических партий во время избирательной кампании, их влияние на электорат: «В указанной среде избирателей, как показали события прошлого года, пропаганда социалистических идей имела крупный и несомненный успех, эта среда выступила уже на путь активной борьбы с существующим порядком и явилась ко времени выборов в достаточной мере оппозиционной. Естественно, что все симпатии ее могли лежать только на стороне конституционалистов-демократов», а Указ 11 декабря 1905 г. «создал правительству и умеренным партиям безвыходное положение»²¹.

¹⁸ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 18, 19.

¹⁹ Сборник речей депутатов Государственной Думы I и II созыва. Кн. 2. СПб., 1908. С. 180–181, 206 и др.

²⁰ РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 117. Л. 4.

²¹ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. С. 32, 53.

Список литературы:

1. Журавлев В. В. Программные установки политических партий России по вопросам собственности на землю в конце XIX – начале XX вв. // *Собственность на землю в России: История и современность*. М., 2002.
2. К десятилетию первой государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916 г. Пг., 1916.
3. Сборник речей депутатов Государственной Думы I и II созыва. Кн. 2. СПб., 1908.
4. Селезнев Ф. А. Выборы и выбор в провинции. Партия кадетов в Нижегородском крае 1905–1917 гг. Н. Новгород, 2001.
5. Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры в России: Россия в начале XX века. М., 2005.
6. Шарапов С. На парламентских выборах. Несколько моментальных снимков. Смоленск, 1906.

References (transliteration):

1. K desyatiletiyu pervoy gosudarstvennoy Dumy. 27 aprelya 1906 – 27 aprelya 1916 g. Pg., 1916.
2. Sbornik rechey deputatov Gosudarstvennoy Dumy I i II sozyva. Kn. 2. SPb., 1908.
3. Seleznev F.A. Vybory i vybor v provintsii. Partiya kadetov v Nizhegorodskom krae 1905–1917 gg. N. Novgorod, 2001.
4. Selunskaya N., Toshtendal' R. Zarozhdenie demokraticheskoy kul'tury v Rossii: Rossiya v nachale XX veka. M., 2005.
5. Sharapov S. Na parlamentskikh vyborakh. Neskol'ko momental'nykh snimkov. Smolensk, 1906.
6. Zhuravlev V. V. Programmnye ustanovki politicheskikh partiy Rossii po voprosam sobstvennosti na zemlyu v kontse XIX – nachale XX vv. // Sobstvennost' na zemlyu v Rossii: Istoriya i sovremennost'. M., 2002.